

**„СТЕРИЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО” ГОЛУБОГО ЦВЕТА
В РАССКАЗАХ ЕВГЕНИЯ ХАРИТОНОВА**

**„STERYLNA SAMOTNOŚĆ” POD TĘCZOWĄ FLAGĄ
W OPOWIADANIACH JEWGENIJA CHARITONOWA**

**QUEER „STERILE LONELINESS” IN SHORT STORIES
BY YEVGENY KHARITONOV**

Anna Świetlik

Uniwersytet Wrocławski, Wrocław — Polska,
anna.swietlik@uwr.edu.pl

Abstract: The main goal of this article was to examine the role of loneliness in the short stories by Yevgeny Kharitonov, whose pieces are considered to be representative for Russian gay literature (LGBT Literature) of the Soviet period. This article explores the reasons why loneliness and its subsequent stages became the main motif of Kharitonov's literary work. The term „sterile loneliness”, brought to light by Eduard Limonov, perfectly reflects the deep sense of loneliness which is the worst struggle in the main character's life. The author of this article attempts to show the psychological figure of a lonely and love-awaiting character in the short stories by Yevgeny Kharitonov.

Ключевые слова: гомосексуализм, одиночество, Эдуард Лимонов, Евгений Харитонов.

Słowa kluczowe: homoseksualizm, samotność, Eduard Limonow, Jewgenij Charitonow.
Keywords: homosexuality, loneliness, Eduard Limonov, Yevgeny Kharitonov.

В любом виде искусства, также в литературе, всегда существовали темы, которые в силу доминирующей в данный момент идеологии подвергались полной табуизации и часто оставались маргинальными и незамеченными. Изображение гомосексуальной любви, присущее многим областям искусства, всегда вызывало крайние эмоции. Следует подчеркнуть, что атмосфера нравственного скандала окутывала не только произведения, затрагивающие гомосексуальную тематику, но также авторов, имеющих нетрадиционную сексуальную ориентацию. Спустя годы подобная литература стала вызывать уже не только общественный резонанс, но также интерес среди ученых. После публикации совершенно революционной работы американского профессора Джудит Батлер *Гендерная тревога: феминизм и ниспровержение идентичности* можно говорить об образовании нового научного направления — квир-исследований.

С 90-х годов исследования сексуальной ориентации и гендерной идентичности стали бурно развивающейся, самостоятельной научной дисциплиной, также в области литературоведения. Однако в России данное направление все еще остается на периферии науки, в том числе академической, а „история сексуального-гендерного диссидентства, как и история сексуальности в целом, в России продолжает оставаться довольно маргинальным сюжетом”¹. Среди немногих русских авторов, которых можно причислить к представителям квир-литературы следует упомянуть Михаила Кузмина, Геннадия Трифонова и Евгения Харитонов; произведения последнего будут рассмотрены в настоящей статье.

Евгений Харитонов является одной из самых загадочных фигур русского андерграунда 70-х годов; драматург, поэт, прозаик и один из немногих представителей русской гей-прозы советских времен. Принадлежность Харитонova к литературному подполью сделала его „запрещенным” писателем, поэтому ни одна строка из его рассказов и стихов не была напечатана при жизни автора. Двухтомный сборник произведений был издан спустя десять лет после его смерти, только в начале 90-х годов, однако даже публикация творчества не принесла Харитонову широкой известности. В литературных кругах он снискал себе славу „странного рыцаря голубого цвета” и певца не только сексуальных меньшинств, но прежде всего гомосексуального одиночества². Именно оно, наряду с безответной гомосексуальной любовью, является главным мотивом его творчества.

Нельзя не отметить, что в прозе Харитонova наблюдается эффект полного совпадения авторской позиции с позицией героя. Он строил свои произведения так, что они вызывают иллюзию подлинного документа: письма, дневника, воспоминания³. Несомненно, Харитонов, будучи сам гомосексуалистом, испытывал социальное отвержение, что сильно отразилось на его творчестве. Однако его рассказы нельзя считать чисто автобиографическими, так как в них отсутствует какое-либо подтверждение того, что его сюжеты — это описание реальных событий из жизни автора. Следовательно, безымянного рассказчика, повествующего от первого лица, можно признать главным героем произведений.

¹ И. Ролдугина, „Почему мы такие люди?”. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России, „Ab Imperio” 2016, № 2, с. 183.

² Е. Перемьшлев, Вечернее чаепитие, „Октябрь” 1994, № 1, с. 183.

³ Г. Бинова, Евгений Харитонов в контексте „новой волны” в русской традиции, „Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity” 1998, vol. 47, с. 80.

В литературоведческих исследованиях, посвященных творчеству Харитонова отмечается, что автор создал уникального героя, и единственным персонажем, похожим на него, является альтер эго Эдуарда Лимонова, герой его произведений — Эдичка. Эти абсолютно разные на первый взгляд персонажи, на самом деле имеют много общего, ведь они — отверженные обществом, одинокие люди. Это сходство позволяет рассматривать одиночество в рассказах Харитонова сквозь призму опыта лимоновского героя. В статье обсуждаются как возникновение одиночества харитоновского персонажа, так и очередные его стадии.

В первую очередь, следует обратить внимание на весьма неблагоприятное, общественно-социальное положение персонажа. Нетрадиционная сексуальная ориентация однозначно классифицирует его как совершенно „неполноценного“ человека, совсем не вписывающегося в образ порядочного, советского гражданина. Сложная обстановка заставляет харитоновского героя скрывать свои сексуальные предпочтения перед всеми, не считая узкого круга доверенных друзей или других гомосексуалистов. Тем самым его отличие, которое он сам ласково именуется „избранностью“, лишает его права на какую-либо откровенную форму проявления своих чувств и любовных интересов и значительно затрудняет поиски потенциального возлюбленного. Он все время находится в своего рода эмоционально-любовном „подполье“, что косвенно приводит его к одиночеству.

Однако следует подчеркнуть, что гомосексуальность в произведениях Харитонова не всегда мучительное томление. Его герой страдает, но не из-за самого факта своего отличия, а из-за возникающего на его фоне социального изгойства. Что касается гомосексуализма, Харитонов именуется его „избранностью“, вопреки тогдашней медицинской терминологии, с которой власть требовала ассоциировать эту „тяжелую болезнь“. Автор в эссе под названием *Листовка*, ставшей русским или, если вообще можно так сказать, советским гей-манифестом, сравнивает русских гомосексуалистов с цветами и с чрезвычайной тонкостью описывает особенность этих людей. Он пишет: „Мы есть бесплодные гибельные цветы. И как цветы нас надо собирать в букеты и ставить в вазу для красоты“⁴. Харитонов считает гомосексуалистов украшением света, посланцами искусства и красоты, людьми невероятного вкуса, бесспорно необходимыми обществу. Таким же „цветком“ является его герой — он тонкий

⁴ Е. Харитонов, *Листовка*, [в:] *Его же, Под домашним арестом. Собрание произведений*, под ред. А. Шаталова, Москва 2005, с. 312.

интеллектуал, отверженный обществом, лишенный права на любовь, внутренний эмигрант. Его эмоциональная хрупкость и болезненная чувствительность вместе с социальным неодобрением его любовных предпочтений способствуют возникновению наиболее обостренной формы одиночества, которую признать можно „стерильной“.

Нельзя однозначно определить, чем, в сущности, является вышеупомянутый вид отчуждения. Этот термин ввел Эдуард Лимонов в рассказе *Великая мать любви*, имея в виду сознательную изоляцию своего героя, однако применительно не к психологическому, а исключительно к сексуальному контексту. Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что этот термин весьма емок, и отображает не только период отсутствия сексуальной жизни. „Стерильное одиночество“ характеризует особый универсализм, благодаря чему оно совмещает в себе все оттенки тяжелого эмоционально-психологического сиротства, которое испытывают как герой Лимонова, так и Харитонова. Опираясь на описания внутренних переживаний обоих персонажей, можно охарактеризовать данное состояние как полную изоляцию, ситуацию абсолютного безразличия и апатии, как терминальную стадию одиночества.

Все вышеперечисленные симптомы испытывает харитоновский герой. Необходимо сказать, что единственным способом прекращения его страдания является недостижимое для него блаженство — любовь. Если именно любовь принять за достижение человеческого счастья, то главный персонаж произведений Харитонова испытывает неспособность к счастью и даже в какой-то степени страх перед ним. Порой он воспринимает свое пристрастие к мужчинам как своего рода клеймо, с одной стороны чувствует себя избранником, „цветом“ украшающим мрачную действительность, но с другой — обреченным на поражение отщепенцем. Он чрезвычайно чувствительный, беззащитный и прежде всего подлинный в своем бессилии. Его монологи — это шепот, тихое, жалкое рыдание покорившегося судьбе, эмоционально искаленного человека, для которого любовь стала мечтой столь отдаленной и, в сущности, „невозможной“. Затруднительные поиски партнера не являются главной причиной его хронического невезения в любви. Это его глубокое убеждение в собственной неполноценности, обреченности и неумении заинтересовать и увлечь другого мужчину определяют его судьбу:

100 способов раззнакомиться и ни одного познакомиться. Как тяжело, когда на тебя ноль внимания. Когда ты понимаешь, что ничего к себе не вызы-

ваешь. И не вызовешь. [...] Что тебе счастья в жизни нет, не было и не будет. Не будет не будет не будет. Никогда. И тогда тебе самому хочется себя не любить больше всех⁵.

Харитонов делает из своего героя почти мученика. С одной стороны, он безумно жаждет эмоциональной и физической близости, жаждет утолить свои чувства, но с другой, все глубже и глубже убеждается в том, что он просто на все это не способен, тем самым погружаясь в „стерильное одиночество“. Любовь в целом для него — чрезвычайно хрупкая материя, которую он одним неаккуратным движением может ушибить или упустить. Поэтому уверенный в неизбежном поражении, главный герой пытается перехитрить судьбу и сам, с огромной болью избавляется от тех, которыми наиболее дорожит, то есть от очередных партнеров. Он воплощает свой беспощадный план в жизнь уже при первом удобном случае, хладнокровно подавляя внутреннее терзание, прекращает свои едва начинающие расцветать чувства. Порочность харитоновского героя заключается не только в его роковом самоутверждении. Он не способен к настоящему счастью, но кроме того он просто его боится, о чем откровенно говорит в рассказе *Слезы на цветах*:

Да нет, для меня счастья нет, я не умею его чувствовать. Мне все время за чем-то видится его изнанка; а ни к чему; и раздражаюсь, что знаю что ни к чему; что не все надо знать, а все равно знаю⁶.

Его сверхсознание оказывается весьма мучительным, а что важнее всего, становится непосредственной причиной „стерильного одиночества“. Надо подчеркнуть, что у Харитоновы это состояние является безысходным. Его измученный одиночеством герой, хотя жаждет и вполне заслуживает любви, отдает себе отчет в том, что от своей роковой судьбы, то есть одиночества, он все-таки не сможет избавиться. В харитоновских произведениях поражает невообразимая тонкость и бережность, с которой автор описывает отчуждение и страдание своего героя. Наиболее пронзительным отображением того, как может выглядеть „стерильное одиночество“, является фрагмент рассказа *Слезы на цветах*:

Я додумался подсоединить звонок входной двери к кнопке возле подушки, и когда лежал в темноте, засыпая, и думал, сейчас придет кто-то ко мне, незаметно нажимал на кнопку и в тишине на всю квартиру раздавался резкий звонок. Так я играл со своим сердцем, и оно, правда, замирало⁷.

⁵ Е. Харитонов, *Алеся Сережа*, указ. соч., с. 107.

⁶ Е. Харитонов, *Слезы на цветах*, указ. соч., с. 300.

⁷ Там же, с. 305.

Представляется возможным сказать, что харитоновский герой сознательно избавляется от любви, воспринимая каждую, даже наименее значительную проблему, как серьезную предпосылку к прекращению только развивающихся отношений. Кроме весьма пессимистического подхода к возможному осуществлению своей мечты, он дополнительно сам затрудняет поиски, так как ищет почти идеального партнера. Его потенциальный возлюбленный должен быть молодым, красивым и безгранично преданным. Одновременно персонаж заранее знает, что для младшего любовника он не будет достаточно интересным и привлекательным. Даже если именно такой изумительный юноша появится в жизни героя, тот просто не верит, что сможет удержать его при себе, предусматривая неизбежный финал начинающихся отношений:

И если вдруг и найдется невероятный мальчик на грудь для любви то на сколько на два дня и потом опять сюда в тюрьму. А если что-нибудь будет отвлекать от тюрьмы, то только и буду стремиться назад в родную тюрьму. Люди уж все давно живут друг с другом. А я все один и один⁸.

Один, одинокий, харитоновский герой остается запертым в своей частной тюрьме, погруженным в меланхолию. Переломный момент не наступает, а настоящая любовь по-прежнему остается для него „невозможной“. Сексуальная ориентация, эмоциональная хрупкость, чувствительность, неуверенность в своей полноценности и в собственном умении любить и быть любимым обрекает героя на пожизненное заключение в его собственной „тюрьме“ одиночества.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Харитонов в своих рассказах создал полный, психологический образ почти полного „отшельника“, человека эмоционально заброшенного, страдающего хроническим одиночеством, больного. Его отчуждение — не временное бессилие, а последняя степень экзистенциального трагизма⁹, эмоциональный тупик, из которого главный герой не может найти выход. Точность с которой автор описывает данное состояние, разоблачая все глубины страдания героя обсуждал писатель Александр Гольдштейн, сформулировавший по этому поводу следующую гипотезу:

Если не слишком бояться громких слов, то можно сказать, что Харитонов писал из своего одиночества, выбранного им в качестве литературной, в первую очередь, линии, хотя и житейской тоже, то есть в той мере житейской, в какой она становилась подспорьем и черновым сырем для творчества¹⁰.

⁸ Там же, с. 274.

⁹ З. Гареев, *Его спасла литература*, „Литературная газета“ 1994, № 7, с. 5.

¹⁰ А. Гольдштейн, *О Евгении Харитонове*, „Новое литературное обозрение“ 1993, № 3, с. 262.

Таким же сырьем была для Харитонова его нетрадиционная сексуальная ориентация. Посвящая свое творчество теме однополой любви, он вошел в очень короткий список русских писателей, затрагивающих подобную тематику. Считается, что снятие табу вызывает в литературе прорыв¹¹, становится отправной точкой для ее нового направления. Однако в случае Харитонова его „запретность“ задержала этот процесс и предредила его творческую судьбу. И трудно не согласиться с мнением Ярослава Могутина:

Харитонова слишком долго не печатали и не принимали всерьез, настолько долго, что создается впечатление, будто только он остался невостребованным, непонятым и неузнанным¹².

Библиография

- Бинова Г., *Евгений Харитонов в контексте „новой волны“ в русской традиции*, „Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity“ 1998, vol. 47.
- Гареев З., *Его спасла литература*, „Литературная газета“ 1994, № 7.
- Гольдштейн А., *О Евгении Харитонове*, „Новое литературное обозрение“ 1993, № 3.
- Могутин Я., *Каторжник на ниве буквы*, [в:] Е. Харитонов, *Слезы на цветах: сочинения в 2-х книгах*, „Глагол“, Москва 1993, № 10.
- Перемышлев Е., *Вечернее чаепитие*, „Октябрь“ 1994, № 1.
- Ролдугина И., *„Почему мы такие люди?“*. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России, „Ab Imperio“ 2016, № 2.
- Харитонов Е., *Под домашним арестом. Собрание произведений*, под ред. А. Шаталова, Москва 2005.
- Харитонов Е., *Слезы на цветах: сочинения в 2-х книгах*, Москва 1993.

¹¹ З. Гареев, *Его спасла...*, указ. соч., с. 5.

¹² Я. Могутин, *Каторжник на ниве буквы*, [в:] Е. Харитонов, *Слезы на цветах: сочинения в 2-х книгах*, „Глагол“, Москва 1993, № 10, с. 14.

